

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX – XXI ВЕКОВ

УДК 821.161.1(Платонов А. П.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,43

DOI: 10.26170/fk16-04-09
ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

А. А. Дырдин
Ульяновск, Россия

ХРОНОТОП ВОДЫ/РЕКИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА¹

Аннотация. В статье на материале творчества А. П. Платонова начала 1920-х годов рассмотрены проблемы философии пространства, связанные с центральной для идейно-эстетической системы писателя идеей странничества. Исследуется своеобразие топографического хронотопа воды/реки, участвующего в качестве образа-символа в создании картины мира, и смысловые аспекты образа Волги в его публицистических и поэтических текстах. Прослеживается, как выражается в тексте хронотоп реки/воды, как связанные с водной стихией смыслы реконструируются через бытование в сознании героя, а пространственные образы выступают субстанциями его внутренней жизни. Доказывается, что писателя интересует не столько внешняя сторона событий, сколько исторические сдвиги, которые происходят в мировоззрении героев, что в центре его внимания национальный характер, свободная личность, существование которой вносит в жизнь свою форму и свое содержание. В статье демонстрируется, что в сюжетах прозы и поэзии Платонова доминируют пространственные начала. Образ-символ реки/воды участвует в создании индивидуальной картины мира, выражает у Платонова главные идеи произведения. Вода здесь выступила в качестве метафоры времени. В символике Платонова выявлено глубокое смысловое содержание, которое всегда проявлено в конкретных, географически точных координатах. Читая Платонова, мы представляем себе пространство, в котором человек находится в двух измерениях — реальном и воображаемом. Он — часть этой дипластики бытия. Ощущение неприкаянности, неустроенности в мире заставляет его быть в движении, искать в пространстве предметы и явления, связанные с экзистенцией человека. Вовлекая их в непрерывное движение, протагонист обращен к первоосновам жизни. У Платонова таким началом земного бытия — «веществом существования», поддерживающим равновесие между организмом и природной средой, — является вода.

Ключевые слова: литературное творчество, хронотопы, топография, русская литература, философия пространства, водная стихия, авторское сознание, литературные образы, образы-символы.

A. A. Dyrdin
Ulyanovsk, Russia

WATER/RIVER CHRONOTOPE IN EARLY WORKS OF A. PLATONOV

Abstract. On the basis of A. P. Platonov's works of the early 1920s the problems of space philosophy related to the pilgrimage idea that is central for ideological and aesthetic writer system are considered in the article. The originality of the topographical «water/river» chronotope as an image symbol in world building and semantic aspects of Volga image in his publicistic and poetic texts are studied. The article follows how the river/water chronotope is expressed in the text, how water-related meanings are reconstructed through the existence in hero's consciousness and spatial images act as substances in his internal life. It is proved that the writer is not so interested in the external side of events as in historical shifts in the outlook of heroes; it is also noted that the author pays attention to the national character and the free personality, whose existence brings its form and its contents in life. It is shown that in Platonov's plots of prose and poetry the spatial beginnings dominate. An image symbol of river/water is involved in the individual world building and expresses the main ideas of Platonov's work. Water serves as the time metaphor here. In Platonov's symbolics the deep semantic contents which are always shown in concrete, geographically exact coordinates are revealed. Reading Platonov's works, we imagine the space in which the person is given in two dimensions — real and imagined. He is part of this diplastiya of life. The feeling of loneliness, disorder in the world makes him be on the move, look for the subjects and the phenomena connected with an existence of the person. Involving them in the continuous movement, the protagonist is turned to life fundamental principles. In Platonov's work such a beginning of the earthly life — the matter of existence giving the balance between an organism and the environment — is water.

Keywords: creative writing, chronotopes, topography, Russian literature, philosophy of space, water elements, the author's consciousness, literary images, symbols.

«Платонов хотел дать воду человеку и земле» [Шкловский 1984: 183], — скажет Виктор Шкловский в своих заметках «Об Андрее Платонове», метафорически обозначая путь к познанию родины и жизненную цель писателя. В начале 1920-х годов молодой инженер-электрик, поэт, прозаик и публицист выступил с идеей искусственного полива почвы — гидрофикации², необходимой, «чтобы тысячу

раз накормить всех досыта, обновить побуревшую, закисшую кровь в жилах, напряжинить мышцы каждого работника, капитально отремонтировать хлебного тела пролетариев и еще оставить в запасе миллиарды пудов» [Платонов 2004б: 195]. Все свои силы он отдает «великой работе»³ — борьбе с засухой, защите

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках проекта «Средне-Волжский край в прозе и публицистике А. П. Платонова 1930-х годов: топография, прототипы, геофилософские образы», № 15-14-73001.

² Неологизм Платонова, заменивший в его публицистике понятие ирригации. См. об этом: [Платонов 2004б: 313–314]. Комментарий Е. Антоновой и Н. Корниенко.

³ Так названа статья А. Платонова («Наша газета». 1921. 20 ноября. № 43. С. 1), одна из первых в публицистическом цикле, связанном с идеей обводнения засушливых территорий страны и его поездками по Воронежской губернии. Цикл открывался публикацией статьи «Гидрофикация. Система орошения полей посредством рек» («Воронежская коммуна. 1921. 28 июля. № 116. С. 2–3 и 29 июля. № 167. С. 2). Как пишут во вступлении к комментариям в I томе *Сочинений* Платонова Е. Антонова и Н. Корниенко, они «по своей эмоциональности сопоста-

человека от стихийных бедствий и голода. Платонов оказался одним из тех «строителей страны», кто энергично взялся за «обновление земли», преобразуя ландшафты, возводя речные плотины, строя колодцы, шлюзы и малые электростанции [см. об этом: Платонов 2004б: 388–397]. Степи Воронежской и Тамбовской губерний, вдоль и поперек исхоженные и изъезженные Платоновым-мелиоратором, явились не только местом приложения его инженерных познаний, но и пространством обретения «сверхличного опыта сопричастности неистощимой жизни и освобождения от чувства бессилия перед историей и судьбой» [Плеханова 2013: 76].

В «Стране бедняков» («Очерки Черноземной области») Платонов излагает план коренного переустройства жизни Черноземья. Для его выполнения, как он мыслил, народу необходимо «стать из ничего духом неистощимым гением, обрести силу созидания», пробиться к корню «духа», скрытому «в сырой планетной материи земли» [Платонов 2004б: 171]. Единственный способ преодоления нищеты в области, которая «страшно бедна естественными открытыми водоемами» — мелиорация, поскольку строительство «сети искусственных водоемов и источников, затем расселения крупных сел к этой искусственно добытой воде — путь к победе над бедностью» [Платонов 2004б: 288].

Публицистика Платонова начала 1920-х гг. в определенном смысле была проповедью космической революции. В статье «Новое евангелие» (1921) он призывает «подняться на природу, на бессмысленное устройство земли и всей вселенной» [Платонов 2004б: 193]. Апостолы новой веры «должны массами отправляться по русской стране с проповедью нового евангелия — техники» [Там же: 192], «устроить над вселенной свой страшный суд» [Там же: 194]. Стилистически уступая ранней прозе писателя, его статьи и очерки вмещают не только рациональные идеи и проблемы социалистического переустройства мира, но и христианские мотивы. Узнаваемы здесь и библейские аллюзии. «Земля сейчас темна, бесплодна и неустроена <...> [Там же: 206]», — этими словами начинает Платонов одну из своих заметок, мечтая о том, что «запоет рожь по всей любимой России» [Там же: 209].

Е. В. Антонова, анализируя раннее платоновское творчество, замечает, что публицистика «... наводит “теоретические” мосты через пропасть между его же сновидца (лирического героя Платонова. — А. Д.) мистическим одиночеством и не знающим преград коллективизмом целомудренных строителей нового мира» [Антонова 2004: 309]. На наш взгляд, в показе персонажей, путешествующих по стране в целях «ремонта земли», переделки ее косного вещества в живое, метафизическое начало не теряется, а умножается, приобретает всемирный масштаб. На самом деле, здесь мы имеем дело с тем типом ранних героев Платонова, которые, по словам М. Ю. Михеева, показаны самоотверженными подвижниками, «живущими в *ярожном мире*». Они «преобразуют мир, это люди

будущего, труженики, добровольные мученики, способные взвалить на себя бремя уничтожения всего прежнего (как в корне “неправильного”) устройства вселенной и пересоздать ее в соответствии с идеалом» [Михеев 2015: 154].

И в публицистике, и в поэзии, и в прозе Платонова полотно текста соткано из пестрых нитей. Поэтому в нем появляются «сырые ключья будничной действительности» (слова М. М. Бахтина о стилевой ткани созданий Достоевского), контрастные в ценностном плане. Наряду с производственной лексикой, пафосными политическими фразами в язык и стиль Платонова входят евангельские цитаты и образы. Все это переплавляется в сознании писателя, идущего по пути, проложенном в мироздании его героями — изобретателями-самоучками и паломниками по святым местам, мастеровыми и «прочими», которые бредут по бесконечной русской равнине. Платонов воспроизводит один из главных мотивов философии всеединства, отказываясь от материалистического истолкования зависимости жизни социума от местопребывания и отношения к объективной реальности. Чувство пространственности сплетается в его произведениях с метаисторическим временем. Платоновские персонажи переживают время как цепь внутренних событий и как возможность преодолеть историческую безысходность. «Русские странники и богомольцы потому и брели постоянно, что они **рассеивали на своем ходу тяжесть горюющей души народа** (выд. мной. — А. Д.) [Платонов 2009: 82]. В этой фразе прочитывается идея избывания зла, гнета судьбы, движения в одной (земной) плоскости. Автор статьи о пространственных аспектах повести «Ямская слобода» (1927), созданной на границе перехода от ранней поры идейного самоопределения писателя к этапу творческой зрелости, приводит аргументы в пользу главенства в его прозе дихотомии временное/вечное. «У Платонова переживаемое страдание должно помочь преодолеть дискретность мира. Задача Платонова — организация “шири” в пространство, обживаемое человеком, как в начале творения или пересотворения, где важен каждый компонент этого слова» [Мегириянец 2011: 74]. Это путь к единству плотского и духовного, слияние локального чувства и чувства высоты, подъема над здешним существованием. «Родовое место» — всего лишь звено связи с надмирным пространством. Утраченный смысл жизни герои находят в непрерывном искании единого центра, который представляется «исходной точкой на пути поиска смысла» [Там же], сберегающей «вечное во временном» (Е. Н. Трубецкой). Именно в этом направлении разворачивается мысль писателя, биографическая и эстетически причастная к миру «плавающих и путешествующих», к сокровенной тайне соприкосновения земного и небесного.

Идея духовного странничества станет важнейшим импульсом платоновской художественной онтологии. Ее непреложной притягательностью для писателя обусловлена универсальная сюжетная модель платоновских произведений, унаследованная от древнерусских «хожений», от Радищева, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Лескова,

вимы с его же передовицами времен Гражданской войны» [Платонов 2004б: 315].

Чехова — предшественников по жанру литературных путешествий. Платонов неизменно акцентирует данное свойство национального взгляда на мир и русского языка, которые избирают пространственное начало, доминирующее над временным. Это свойство творческого миропознания писателя-мыслителя, как и его философско-эстетической системы, абсолютны. «Художественная целесообразность такого перемещения героев в пространстве состоит в том, что автор имеет возможность показать и соотнести между собой различные синхронные модели существования, представив их частями единого бытийного потока (метафорой которого предстает дорога)» [Яблоков 2004: 6], — постулирует Е. А. Яблоков, рассмотревший структуру хронотопа в произведениях Платонова 1920–1930-х годов.

Обращаясь к концептам пространственности в раннем творчестве Платонова, мы обнаруживаем два типа контекстов, проявленных с их помощью: реальный, природный, топографический контекст места и контекст «проективный» (В. Н. Топоров), обращенный к сфере архетипической, когда естественное, физическое пространство воспринимаются в духовном, символическом плане. У автора «Чевенгура» образ в своем многомерном складе погружен в поток сознания, в «озеро чувств» (Платонов). У. Джеймс, отождествляя в монументальном труде «Принципы психологии» мысль и сознание, утверждал: «Сознание не есть нечто соединенное, связанное, оно течет. “Река” или “поток” — вот метафоры, которые описывают его наиболее естественно» [James 1950: 259]. В системе пространственных взглядов Платонова смыслообразы воды/реки связывают горизонты реального и трансцендентного, становясь предикатами человеческого существования. Горизонталь водоземья, данная в локально-географических образах, позволяет воплощать их и в вертикальной проекции, помогая не выпасть из целостного пространства, захваченного взглядом автора. В этой связи существенно наблюдение Ю. М. Лотмана: «в художественной модели мира “пространство” подчас метафорически принимают на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [Лотман 1997: 622].

Реки в геофилософской картине страны изображаются Платоновым как важнейшие точки народного местобития. Дон — засверкавшая «среди потемневшей от своей обширности степи, немного ниже черты горизонта ... серебряная небольшая черта, совершенно неестественная среди суши и однообразия континента» [Платонов 2016: 347] — почти всегда воссоздан в зрительной конкретности, как часть пейзажа. В заглавии рассказа «Ерик» отражена раздвоенность человеческой жизни между природным и тем, что выше земли, что свидетельствует об устремленности к другим мирам. Название рассказа соединило две сферы — житейскую, будничную (обиходное, мирское имя) и сакральную, соотнесенную с многомерностью времени-пространства, верхним бытийным уровнем (антропоним *Ерик* возник на основе народного географического термина — гидронима). Обыгрывая семантику слова (ерик — по Далю — «старьца, рѣчище, узекъ, глушица, часть покинутого русла рѣки, куда по весне

заливается вода и остается въ долгихъ яминахъ; глухой, непротѣчный рукав рѣки, образовавшийся из старьцы» [Даль 1989: 521]), Платонов называет так своего главного героя — русского мужика, задумавшего «небо проломить и голову в дырку наверх просунуть и поглядеть — есть ли там Бог или спрятался» [Платонов 2016: 172]. Смысл этого «речного» имени перенесен на всю деревню Ендовище, воспринятой литературоведом в качестве собирательного образа России [Семенова 2003: 221]. Между тем Ерик — это еще и буква «ерь» в кириллице, 32-я в церковной азбуке, когда-то полугласная, а теперь безгласная — мягкий знак. Она означает обессиливание, смягчение звука. Платоновский персонаж, который «водился побратски» с жителями деревни, задумавшими «перевертнуть мир», «не верил ни в Бога, ни во врага». К нему приходит враг человеческий, чтобы научить «людей лепить из глины, из земли и всякой пакости, если ее наслонявить» (с водной субстанцией здесь связано сотворение нового человека). В рассказе оживает апокрифическая версия создания первочеловека [см.: Дырдин 2000: 89–116]. Безымянный проток со стоячей, непроточной водой оказывается у Платонова местом эсхатологической катастрофы, где завершается одна и начинается другая эпоха мировой истории. Перед нами сказочный сюжет, миф, отражением которого является образ водной стихии. Он ведет от чувственной, осязаемой природной картины к глубинам авторского сознания. В. Н. Топоров в своей работе, посвященной мифопоэтике русской литературы XIX–XX столетий, называя свойства моря (бурное, свободлюбивое, вольное и т.п.) и, шире — водной стихии, утверждал, что они могут быть знаками иных семантических полей (сравнений, уподоблений, параллелизма, символа и др.), «заместителем» других образов — человека, в частности, поэта, нередко помещаемого как в рамку между морем внизу и небом вверху» [Топоров 1995: 578].

Примечательно, что в символике Платонова глубинное смысловое содержание всегда проявлено в конкретных, географически точных координатах. В частности, это те точки на карте России, которые определяли сущность народного бытия на всем его историческом пути. В 1920-е годы Платонов использует образы великих русских рек (Дона, Волги, Енисея), словно совершая воображаемое путешествие по неозримому русскому матеруку. В обрисовке культурно-исторических локусов, имеющих отношение к «речной семантике», преобладают не живописные, а смысловые ассоциации. Внутри главного платоновского хронотопа есть несколько «малых» локальных хронотопов, образующих «водяное тело» [Платонов 2016: 342] страны. Какое место принадлежит в этой художественной структуре Волге — самой большой реке Восточно-Европейской равнины?

Волга стала второй по частоте упоминания в ранних платоновских текстах рекой. Первый раз она появится в заметке о вечере Некрасова, состоявшемся в Воронежской совпартшколе осенью 1921 года. В ней образ реки физически не представлен. Он присутствует в функции поэтической реплики, открывающей ряд интертекстуальных включений, и раскрывается как социально-историческая подроб-

ность, оборачивается метафорой современной ситуации, добытым из памяти символом национально-го сознания, который соединяет прошлое и настоящее. Парафразируя известные Некрасовские строки «Выдь на Волгу...», Платонов превратил их в обобщение тех изменений, какие внесла в жизнь техническая революция. У него машина «делает из печали радостную песню, как русский народ на Волге» [Платонов 2004б: 179]. Явно заглядывая в будущее, Платонов соединяет топографический образ с символическим смыслом по правилу превращенной формы. Волжская вода должна напоить народную душу, а звуки новых песен выразить «измененные миры, пляшущий космос» [Там же].

В стихотворении Платонова «Сказка» (1921) Волга является пространственной метонимией, колыбелью мальчика, обручившегося с «ранней думой сокровенной». Содержательно платоновская поэтическая сказка близка народным преданиям о Степане Разине, сюжетам об идеальном предводителе понизовой вольницы. Принципиальная черта платоновского произведения, напоминающего своим складом русские исторические песни и баллады, обращение к мифу местности, наличие в нем историко-географического аспекта. Интуиция и знание национальной природной среды и фольклора помогли поэту уловить и воссоздать ритм, традиционные поэтические элементы, динамику водного простора.

Волга, воды голубые.

Дно — серебряный песок,

Лодок весельные крылья,

Над костром в степи дымок.

[Платонов 2004а: 415]

Во второй части стихотворения мальчик станет атаманом, сожжет «деревню, мать-отца», уйдет искать края земли, кинув в море царевну в согласии с песенным прецедентом и переменчивой натурой казака. Примечателен мотив бунта, который появится в заключительных четверостишиях. Идиллический лад стремительно исчезает. Родное превращается в замкнутое пространство, а светлое состояние души уходит. Ему нет больше места в новом порядке мира. В благодатное чувство детства проникло обусловленное новой социальной ролью (атаман разбойничьей ватаги) темное начало. В топосе Волги объективируется тема, связанная с языческой, экстатической стихией, ставшей ядром образа Ивана Жоха в одноименном рассказе Платонова (1927).

Сложность интерпретации картины жизни в текстах Платонова обуславливается отсутствием постоянной архитектуры вселенной. Исследователь творческого наследия писателя имеет дело с повторяющимися явлениями (герои, сюжеты, смыслообразы), которые Платонов перемещает из одного произведения в другое. Читая Платонова, мы представляем себе пространство, в котором человек находится в двух горизонтах — реальном и воображаемом. Он — часть этой дипластики бытия. Ощущение неприкаянности, неустроенности в мире заставляет его быть в движении, искать в простирающемся перед ним пространстве предметы и явления, связанные с испытанием

человека мирозданием. Вовлекая их в свое странствование, платоновский протагонист обращен к первоосновам жизни. У Платонова таким началом земного бытия — «веществом существования», поддерживающим равновесие между организмом и природной средой — является вода. В его образах водной стихии обнаруживается сила, соразмерная человеку. Она питает поэтическое воображение, объективирует чувство родины. В образах и символах, соединяющих реальное и воображаемое, рождается идея внутренней слитности с местом появления на свет, с землей, которой вскормлен:

Древние мир, воспетый птицами,

Населенный ветром и водой,

Озаренный теплыми зарницами,

Ты живешь во мне — как край родной.

[Платонов 2004а: 327]

Герою, воплощающему «передовую» точку зрения, Платонов противопоставляет странника и юродивого — «человека обратной перспективы» [Дырдин, Куранов 2011: 12], наделенного способностью созерцать «энергию других миров». В поисках соотносимой с этими персонажами перспективности, Платонов начинает изображать сразу несколько пространств: «В существе вещей Чепцов предполагал лежащим пространство, — читаем мы в раннем платоновском рассказе «Немые тайны морских глубин» (1923), — то есть даль, море, путешествие, пешеходство с седым и мудрым странником» [Платонов 2004а: 229]. В рассказе «мореходец и любитель сочинений» Индиан Чепцов, взяв с собой друга Жоржа, отплывает на лодке в дружелюбную страну Турцию, но попадает в город на Дону, где «несуточно и благопристойно» протекало время, «а по вечерам тщетно плакали гармонии на окраинах, на улицах сапожников, — о тоске, о светопреставлении, о мысли буйной и невыносимой, будто лопнул сердце и рватым комком подкатило к горлу» [Там же: 232]. К этим двум «плавающим и путешествующим», они же «странники и воители», «шахтеры вселенной», рассказчик обращается с призывом ополчиться «на мир и на самих себя», чтобы взорвать привычное существование. Перед нами взгляд писателя, в котором слиты в одно локальное и вселенское, метафизика родной земли и духовно-пространственное мироощущение. Верно и глубоко охарактеризована сущность такого отношения к реальности В. В. Варавой: «Это не пессимистический взгляд на вещи и даже не трагическое мироощущение, всегда отмеченное знаком высокого античного присутствия; это какой-то *изначальный русский мировоззрение* (курсив В. В. Варавы. — А.Д.)», особо остро реагирующий на малейшее проявление зла и несправедливости в мире» [Варава 2011: 17]. Уже в этом незавершенном сочинении Платонова проявилось собственное представление о структуре мира. Картины жизни провинциального городка проникнуты вневременным бытийным чувством. Повествование соединяет, казалось бы, несовместимые идеологемы. Игра смыслами и контекстами выразила убеждение писателя в необходимости добывать истину, скрытую под спудом, в «немых глубинах» житейского моря, мелькающую в отраженном свете

народной мысли, в частицах его просторечия и в языке старинных книг.

В стихотворении «Жить ласково здесь невозможно...» (1925–1926) лирический герой пытается сочетать внутреннюю речь с пространственной образностью, с поиском воображаемой «голубой страны». Выражая на языке универсальном идею «покоя вечности», которая восходит к мотивам и смыслам «Голубиной книги», Платонов связывал чувство духовной полноты с утопическим местом:

Смерти напротив, навстречу стихиям
Тонкая дышит и бьется душа,
С верностью голубя, мудростью змия,
Силу чудесную крепко зажав.
Где же ты скрыта, страна голубая,
Где ветер устанет и смолкнет река?
На свете такие страны бывают:
В поле я видел — земля велика.

[Платонов 2004а: 296]

Река, затихшая в своем течении, — многозначная метафора, философско-символический образ, в котором географическая среда замещается пространством запредельным. Его можно назвать местом взаимоперехода внешнего и внутреннего, точкой встречи человека с мирозданием. Эта платоновская интуиция непрерывности течения времени, воспринимаемого через ландшафтные мотивы, в первую очередь — мотив воды/реки как модификации «океанического чувства», являющегося проекцией мифа о сотворении мира.

Волжский хронотоп выразил в платоновской ранней поэзии константы национального характера, «переходы и переливы русской души» (Л. Леонов). Метафизически напряженное сознание Платонова, воспринявшее сокровенные пласты национального мироощущения, символически объединяет топоры родного края и образы онтологического звучания. К ним применима категория «текст бытия», определяемая современным философом как «духовное местопребывание человека, в котором последний одновременно сопричастен “родному и вселенскому”», а «географическое» переходит в «семантическое», образуя тем самым духовно-материальный контекст существования человека» [Варава 2011: 16].

На уровне философском вода у Платонова — это стихия, выражающая народный идеал соборной жизни, сами поиски благодатной земли: «града на дальней реке». Утверждая, что он «постоянно жил русским маршрутом — к морю», А. Лысов писал: «Водная стихия наиболее ясно выражена у Платонова и в названиях произведений, река становится формообразующим художественным фактором. <...> Было бы странно, если бы Платонов — сам по профессии гидролог, человек принимающий сверхусиленное участие в строительстве водных сооружений, миновал это соотношение человека и реки. <...> Водной стихией пронизан “Сокровенный человек”, она — объект действия в “Епифанских шлюзах”, абсолютна, как мечтание, в “Ювенильном море”» [Лысов 2002: 98]. Действительно, в платоновском мире «глубь исторгается ширью, и горизонталь тяготеет к вертика-

ли, а небесные высоты, уходя в земные глубины, становятся “голубой глубиной” неба с другой стороны» [Там же: 92]. Такое синкретическое бытийное пространство, воссозданное по принципу обратной перспективы, объемлется понятиями «река жизни» и «земной океан», которые можно соотнести с библейскими «водами многими» и «вторым рождением от воды и Духа». В водный образно-топосный ряд включены русла высохших рек, поймы, заросшие камышом, озера, плотины, подземные моря вместе со стремительным потоком, захватывающем «прочих» людей, степных большевиков, странников, нашедших смерть в потоке-светопредставлении революции и гражданской войны.

Здесь требуется многослойная смысловая экспликация. Из одной платоновской философы рождается целый комплекс слов-смыслов. Вода здесь выступила в качестве метафоры времени. Река и море — векторы путешествия, причем как по жизни, так и за ее пределами. «Время жизни конечно, река времен — это и река, разделяющая, проводящая границу между одним временем и другим, или между временем жизни (бытия) и смерти (небытия)» [Красноярова 2010: 53] — такова трактовка этой субстанциональной метафоры в одной из современных культурфилософских работ. Платонов перенес на смыслообраз воды-потока представление о человеческом сознании и движении истории, путешествия во времени, связи между прошлым и будущим. В платоновской концептосфере локус воды, становясь символом сознания, выражает непрерывный переход от реальной действительности к человеку. Воплощаясь в образы, он переводится в пространственные оппозиции «верх–низ», «глубина–поверхность». Платонов делает их проницаемыми друг для друга, разрушая антитезу «“глубины” и “высоты”, верха и низа» [Яблоков 2001: 190]. Так истолковал эту особенность пространственной мысли писателя известный платоновед, отмечая принадлежность героев «Чевенгура» «одновременно к стихии водной и небесной» [Там же: 191]. Вот почему действие почти всех платоновских произведений развернуто вблизи водоемов или, как в «Чевенгуре», завязывается и завершается у воды.

Река в символике Платонова являет новый, совпадающий с коллективным сознанием «строителей страны» смысл. Вновь процитируем А. Лысова: «река не влага для <утоления> жажды, не путь для лодки, не обиталище рыб для пищи, а образ стремления к материнскому морю единой жизни, собирающему все капли и притоки воедино» [Лысов 2002: 104].

Топографический хронотоп реки/воды в качестве образа-символа участвует в создании индивидуальной картины мира, выражает у Платонова главные идеи произведения. Единый комплекс реальных водных мест (река, озеро, ручей, заливы, каналы, шлюзы, плотины, и т.д.) непосредственно причастен к кругу пространственного мышления, соотносится с первичными представлениями, архетипами, универсалиями, наполняющими текст глубинными смыслами. Платоновская «географии мысли» выстраивается из целого ряда взаимодополняющих топосов. Реки как пространственные реалии занимают внутри этого порядка ключевое положение.

Уже на раннем этапе писательской эволюции в произведениях Платонова обнаруживается сюжетно-образный императив, неразрывно связанный с мотивами жизни и смерти (живая и мертвая вода в фольклоре, вода крещения — погружения в воду — в христианском контексте). Водный простор — онтологическое место, первообраз целостности, собирающий вокруг себя множество значений. Философско-поэтический образ «сырой планетной материи земли» является у Платонова средством преодоления разрыва между верхним и нижним окоемами жизни, пространством для встречи природного мира и бесконечного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е. В. Комментарии к статье «На фронте зноя» [Платонов 2004b: 388–397]. Проблемам землеустройства и мелиорации в Воронежской и Тамбовской губерниях посвящены десятки статей, рассказы и повести Платонова, опубликованные в I и II томах его научного собрания сочинений.
- Антонова Е. В. О датировке стихотворений книги Платонова «Голубая глубина» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. — СПб.: Наука, 2004. — С. 296–321.
- Варава В. В. Текст культуры и текст бытия (к вопросу о метафизической уникальности «воронежского текста») // Воронежский текст русской культуры: сб. ст. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 14–20.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. — М.: Рус яз., 1989.
- Дырдин А. «Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. — Ульяновск, 2000.
- Дырдин А. А., Куранов А. О. Обратная перспектива в мировоззрении А. П. Платонова: Сфера души, эфирное пространство и юродство в текстах писателя // Филологический класс. — 2011. — № 26. — С. 10–14.
- Красноярова Н. Г. Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока // Аналитика культурологии. — 2008. — № 10. — С. 49–55.
- Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю. М. Лотман. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). — СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. — С. 621–658.
- Лысов А. Г. О национальной характерологии и культурно-природных атрибуциях в рассказе Андрея Платонова «Река Потудань» // Вопросы филологии. Языкознание. Литературоведение. Сб. науч. тр. — Ульяновск, 2002. — С. 92–106.
- Мегирьянц Т. А. Пространственное решение повести Платонова «Ямская слобода» // «Воронежский текст» русской культуры. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 69–75.
- Михеев М. Ю. Андрей Платонов... и другие. Языки русской литературы XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — (Studia Philologica).
- Платонов А. П. Сочинения. Т. I. Кн. 1. Рассказы. Стихотворения. — М.: ИМЛИ РАН, 2004а.
- Платонов А. П. Сочинения. Т. I. Кн. 2. Статьи. — М.: ИМЛИ РАН, 2004б.
- Платонов А. П. Сочинения. Т. II. 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. — М.: ИМЛИ РАН, 2016.
- Платонов А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / под ред. Н. М. Мальгиной. — М.: Время, 2009.
- Плеханова И. И. Жизнетворческий потенциал примитивизма (наивное, трагическое и наивно-трагическое чувство жизни) // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. — 2013. — № 2 (22). — С. 76–91.
- Семенова А. Антропологический миф в сказках М. Горького и А. Платонова // Бренное и вечное: прошлое в настоящем и будущем философии и культуры. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2003. — С. 215–221.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995.
- Шкловский В. Об Андрее Платонове. Цит. по: Галушкин А. Ю. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 172–183.
- Яблоков Е. А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. — С. 190–200.
- Яблоков Е. А. «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. — СПб.: Наука, 2004. — С. 6–14.
- James W. The Principles of Psychology. Vol. 1 and 2. — Dover Publications. Reprint edition, 1950.

REFERENCES

- Antonova E. V. Kommentarii k sta'e «Na fronte znoya» [Platonov 2004b: 388–397]. Problemam zemleustroystva i melioratsii v Voronezhskoy i Tambovskoy guberniyakh posvyashcheny desyatki statey, rasskazy i povesti Platonova, opublikovannye v I i II tomakh ego nauchnogo sobraniya sochineniy.
- Antonova E. V. O datirovke stikhotvoreniy knigi Platonova «Golubaya glubina» // Tvorchestvo Andreyaya Platonova: Issledovaniya i materialy. Kn. 3. — SPb.: Nauka, 2004. — S. 296–321.
- Varava V. V. Tekst kul'tury i tekst bytiya (k voprosu o metafizicheskoy unikal'nosti «voronezhskogo teksta») // Voronezhskiy tekst russkoy kul'tury: sb. st. — Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2011. — S. 14–20.
- Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1. — M.: Rus yaz., 1989.
- Dyrdin A. «Potaenny myslitel'. Tvorcheskoe soznanie Andreyaya Platonova v svete russkoy dukhovnosti i kul'tury. — Ulyanovsk, 2000.
- Dyrdin A. A., Kuranov A. O. Obratnaya perspektiva v mirovozzrenii A. P. Platonova: Sfera dushi, efirmoe prostranstvo i yurodstvo v tekstakh pisatelya // Filologicheskyy klass. — 2011. — № 26. — S. 10–14.
- Krasnoyarova N. G. Priroda kak kontsept kul'tury: opyt kul'turfilosofskogo ocherka reki, vody, potoka // Analitika kul'turologii. — 2008. — № 10. — S. 49–55.
- Lotman Yu. M. Khudozhestvennoye prostranstvo v proze Gogolya // Yu. M. Lotman. O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993). — SPb.: «Iskusstvo-SPB», 1997. — S. 621–658.
- Lysov A. G. O natsional'noy kharakterologii i kul'turno-prirodnkh atributsiyakh v rasskaze Andreyaya Platonova «Reka Potudan'» // Voprosy filologii. Yazykoznanie. Literaturovedenie. Sb. nauch. tr. — Ulyanovsk, 2002. — S. 92–106.
- Megiryants T. A. Prostranstvennoye reshenie povesti Platonova «Yamskaya sloboda» // «Voronezhskiy tekst» russkoy kul'tury. — Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2011. — S. 69–75.
- Mikheev M. Yu. Andrey Platonov... i drugie. Yazyki russkoy literatury XX veka. — M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. — (Studia Philologica).
- Platonov A. P. Sochineniya. T. I. Kn. 1. Rasskazy. Stikhotvoreniya. — M.: IMLI RAN, 2004a.
- Platonov A. P. Sochineniya. T. I. Kn. 2. Statyi. — M.: IMLI RAN, 2004b.
- Platonov A. P. Sochineniya. T. II. 1926–1927. Povesti, rasskazy, sennarii, statyi. — M.: IMLI RAN, 2016.
- Platonov A. P. Chevengur: Roman; Kotlovani: Povest' / pod red. N. M. Mal'ginoy. — M.: Vremya, 2009.
- Plekhanova I. I. Zhiznetvorcheskiy potentsial primitivizma (naivnoye, tragicheskoye i naivno-tragicheskoye chuvstvo zhizni) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. — 2013. — № 2 (22). — S. 76–91.
- Seменова А. Антропологический миф в сказках М. Горького и А. Платонова // Бренное и вечное: прошлое в настоящем и будущем философии и культуры. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2003. — С. 215–221.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995.
- Шкловский В. Об Андрее Платонове. Цит. по: Галушкин А. Ю. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 172–183.
- Яблоков Е. А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. — С. 190–200.
- Яблоков Е. А. «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. — СПб.: Наука, 2004. — С. 6–14.
- James W. The Principles of Psychology. Vol. 1 and 2. — Dover Publications. Reprint edition, 1950.

Platonov A. P. Sochineniya. T. I. Kn. 2. Stat'i. — M.: IMLI RAN, 2004b.

Platonov A. P. Sochineniya. T. II. 1926–1927. Povesti, rasskazy, stsenarii, stat'i. — M.: IMLI RAN, 2016.

Platonov A. P. Chevengur: Roman; Kotlovan: Povest' / pod red. N. M. Malyginoy. — M.: Vremya, 2009.

Plekhanova I. I. Zhiznetvorcheskiy potentsial primitivizma (naivnoe, tragicheskoe i naivno-tragicheskoe chuvstvo zhizni) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. — 2013. — № 2 (22). — S. 76–91.

Semenova A. Antropologicheskiy mif v skazkakh M. Gor'kogo i A. Platonova // Brennoe i vechnoe: proshloe v nastoyashchem i budushchem filosofii i kul'tury. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. — Velikiy Novgorod, 2003. — S. 215–221.

Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. — M.: Izd. gruppy «Progress» — «Kul'tura», 1995.

Shklovskiy V. Ob Andree Platonove. Tsit. po: Galushkin A. Yu. K istorii lichnykh i tvorcheskikh vzaimootnosheniy A. P. Platonova i V. B. Shklovskogo // Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii. — M.: Sovremennyy pisatel', 1994. — S. 172–183.

Yablokov E. A. Na beregu neba (Roman Andrey Platonova «Chevengur»). — SPb.: «Dmitriy Bulanin», 2001. — S. 190–200.

Yablokov E. A. «Padayushchaya bashnya» (O khudozhestvennom prostranstve Platonova) // Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Kn. 3. — SPb.: Nauka, 2004. — S. 6–14.

James W. The Principles of Psychology. Vol. 1 and 2. — Dover Publications. Reprint edition, 1950.

Данные об авторе

Александр Александрович Дырдин — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, издательского дела и редактирования, Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск).

Адрес: 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.

E-mail: dyrd@mail.ru.

About the author

Alexander Alexandrovich Dyrdin is a Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Philologies, Publishing and Editing of the Ulyanovsk Technical University (Ulyanovsk).